

К 20-летию образования арбитражных судов

Вениамин Федорович Яковлев

советник Президента РФ,
член-корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук

В этом году российской арбитражной системе исполняется 20 лет. О причинах и обстоятельствах ее создания рассказывает Вениамин Федорович Яковлев — последний Главный государственный арбитр СССР, единственный Председатель Высшего Арбитражного Суда СССР, первый Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ.

Опыт создания арбитражных судов

О предпосылках и причинах появления арбитражных судов

Создание арбитражной системы было обусловлено переплетением объективных и субъективных факторов, но все-таки определяющими, на мой взгляд, стали объективные предпосылки. Арбитражные суды возникли как результат созревшей общественной потребности.

Что послужило объективной предпосылкой их появления? Во-первых, преобразования, которые происходили в нашей стране в течение длительного времени. Многие, да и я сам частенько в своих рассуждениях и интервью связываем эти преобразования с приходом к власти М.С. Горбачёва, с перестройкой. Отчасти это действительно так: изменения тогда происходили весьма быстро и были осязаемы. Однако начались эти процессы значительно раньше. Фактически на протяжении всего советского времени, когда наша экономика базировалась на публично-правовой, в основном на государственной, собственности, централизованное управление сочеталось с элементами децентрализованного регулирования эко-

номических отношений. Исключением стал только период военного коммунизма, который по существу был ломкой собственности и переходом к прямому продуктообмену без использования товарно-денежных категорий. Это было нечто абсолютно новое и противоречащее историческим тенденциям. Период военного коммунизма длился пять лет, довольно долго. Тогда не было товарно-денежного оборота, по сути, не было гражданского законодательства, да и правосудия, можно сказать, тоже не было. Военный коммунизм стал попыткой все объединить и управлять из единого центра, как управляют фабрикой. Тогда говорили, что экономика — это единая фабрика.

Эксперимент быстро и с треском провалился, потому что противоречил объективным, складывавшимся веками закономерностям отношений собственности, товарно-денежного обмена и т. д. В 1921–1922 гг. появилась новая экономическая политика. Что такое новая экономическая политика? Это восстановление товарно-денежного оборота, а следовательно, восстановление, хотя и в ограниченном виде, индивидуальной собственности.

В дальнейшем, с одной стороны, вся наша экономика покоилась на собственности публичной, централизованно управляемой с помощью плановых заданий, централизованного регулирования цен, а с другой стороны, все-таки использовались товарно-денежные категории. Скажем, два государственных предприятия производили продукцию, исходя из плановых заданий, но реализовывали ее, заключая договоры поставки, получали деньги.

И правовое регулирование, и правоприменение, и система разрешения споров соответствовали такому типу экономики.

Так продолжалось до 80-х гг. прошлого столетия. Но постепенно приходило осознание, что без развитого товарно-денежного оборота эффективной экономики не будет, и вводились определенные элементы того, что позднее стали называть рыночной экономикой. Предпосылки товарно-денежного оборота создавались для того, чтобы сделать экономику более гибкой и эффективной, ориентированной на реальные потребности общества.

Пока существовал Советский Союз, этот процесс носил эволюционный характер, был медленным, но, как я до сих пор считаю, правильным. С чего все начиналось? С Закона об индивидуальной трудовой деятельности 1986 г. Что такое индивидуальная трудовая деятельность? Это индивидуальное предпринимательство, мелкий бизнес. Начинать надо было именно с этого и развивать в первую очередь малый и средний бизнес.

Следующим стал Закон о кооперации 1988 г. Это время в Москве я хорошо помню, потому что в 1987 г. переехал из Свердловска, был назначен директором Всесоюзного научно-исследовательского института законодательства. В этом институте началась очень интенсивная работа. Я тогда оказался руководителем рабочей группы, занимавшейся разработкой Закона о кооперации. Речь шла не о прежней кооперации, представленной колхозами и по существу основанной на той же государственной собственности. Нет, новая кооперация в соответствии с Законом 1988 г. была основана на частной собственности. Тогда появились первые коопе-

ративные кафе и т. п. и пошло дело. Стали создаваться малые предприятия около государственных предприятий — одним словом, возникла реальная частная собственность.

Но как только частная собственность появилась, стало ясно, что правовая система должна меняться, потому что прежняя не охватывала своим регулированием новые отношения. Получалось, что экономика сама по себе, а право само по себе: экономика сегодняшняя, она уже изменилась, а право еще вчерашнее, регулирующее только, так сказать, отношения государственного сектора административно-командными методами.

По существу, требовался демонтаж советской правовой системы и формирование новой. Именно этим мы и занимались в Институте законодательства. В институте были очень хорошие научные отделы, заваленные работой: они готовили справки по правовому регулированию рыночной экономики, правовому регулированию федеративных отношений, развитию демократических институтов — по всем этим направлениям мы готовили справки, по запросам отправляли их в Центральный Комитет партии, в Верховный Совет, в Президиум Верховного Совета, в правительство. В общем, шла активная работа по формированию новой правовой системы.

Тогда-то и обнаружилось, что возникают споры, основанные на частной собственности, а также споры между носителями частной собственности с одной стороны и носителями государственной собственности с другой, а рассматривать эти споры некому. Еще одним фактором появления арбитражных судов (первым фактором я считаю возникновение частной собственности) была советская система разрешения споров. Существовала одна судебная система — суды общей юрисдикции. Они рассматривали гражданские дела, но только дела с участием граждан — не производителей, а потребителей. Стало быть, экономические споры, споры, возникающие в сфере производства, в сфере крупного оптового товарно-денежного оборота, суды общей юрисдикции никогда не рассматривали. Эти споры рассматривались органами Государственного арбитража. Органы Госарбитража были созданы в годы НЭПа, когда участниками товарно-денежного оборота были не только крестьяне, получившие возможность продавать на рынке излишки произведенного, но и государственные предприятия, тресты, между которыми, естественно, также возникали споры. Вначале были учреждены государственные комиссии, а потом — Государственный арбитраж и ведомственный арбитраж, который разрешал споры между предприятиями, возникающие из товарно-денежного оборота. Госарбитраж был органом, который по существу разрешал экономические споры, но это был не суд, а квазисудебный орган: он выполнял судебные функции, но судом не являлся. Почему? Потому что он был элементом административно-командной системы, был вмонтирован в систему управленческой власти. Областной арбитраж находился при облисполкомах, а наверху был Госарбитраж при Правительстве СССР. И только по Конституции 1977 г. произошло отделение Госарбитража от исполнительной власти, он стал самостоятельным органом. Таким образом, обозначился дрейф Госарбитража в сторону правосудия. Отделение от исполнительной власти было первым шагом. Госарбитраж стал конституционным органом, нашел закрепление в ст. 163 Конституции и рассматривался уже в качестве независимого органа, разрешавшего споры между государственными предприятиями.

Больше того, в последний период существования Советского Союза органы Госарбитража начали рассматривать уже споры между предприятиями и органами управления, плановыми органами, т. е., по сути, появилась административная юстиция. Если государственное предприятие считало, что до него довели плановое задание с нарушениями норм закона, оно имело право этот плановый акт обжаловать, чего раньше никогда не было. Раньше план был командой, которую надо исполнять, — умри, но выполни. А тут появилась возможность обжаловать. Госарбитраж стал выполнять функции судебного органа, который разрешал не только гражданско-правовые, но и административные споры, т. е. споры не только между предприятиями, но также между предприятиями и вышестоящими органами управления. Он действительно дрейфовал в сторону органов правосудия, причем этот процесс был осознанным и длительным, это не было одномоментным превращением Госарбитража в суды, нет, шло накопление элементов правосудия.

Вот в таком положении находилось разрешение споров к концу 1980-х — началу 1990-х гг., когда появилась частная собственность. Госарбитраж был несудебным органом еще и потому, что в отсутствие в советской Конституции принципа разделения властей он представлял собой типичный государственный орган, который выполнял три функции — нормотворческую, контрольно-исполнительную органа и судебную, функцию разрешения споров. Он контролировал соблюдение плановой дисциплины, плановых договоров. Он выпускал так называемые инструктивные указания, т. е., по существу, подзаконные нормативные акты на основе своей практики. И наконец, он рассматривал споры. Иными словами, Госарбитраж совмещал функции трех ветвей власти — законодательной (нормотворческой), исполнительной и судебной.

Таким образом, с одной стороны, были частная собственность и потребность рассматривать споры по поводу нее, а с другой стороны, отсутствовал подходящий орган. Поступали предложения Госарбитраж ликвидировать, а споры, которые он рассматривал, передать судам общей юрисдикции. Но можно было решить этот вопрос и по-другому: создать специализированную судебную систему для разрешения, как мы тогда говорили, предпринимательских споров, т. е. споров между предпринимателями. Потребительские споры разрешались бы судами общей юрисдикции, а предпринимательские споры — специализированным судом. Идея специализированного суда носилась в воздухе.

Итак, второй фактор создания арбитражных судов — несоответствие существовавшей системы разрешения споров потребности, которая возникла в связи с появлением частной собственности.

Третий фактор — это, конечно, дореволюционный опыт. Как выяснилось, до революции наряду с судами общей юрисдикции действовали также коммерческие суды. Реформа коммерческих судов была проведена раньше, чем реформа судебной системы в целом. Если последняя относится к 1864 г., то система коммерческих судов появилась при Николае I в 1832 г., после того как был издан императорский указ о создании системы коммерческих судов и утвержден Устав торгового судопроизводства. А первый коммерческий суд появился еще раньше — в 1808 г., в Одессе, с чего и началась новая история коммерческих судов дореволюционной России.

Традиция отдельного коммерческого правосудия тоже послужила доводом в пользу создания отдельной судебной системы.

Четвертый фактор, который был учтен, — это современный зарубежный опыт. Мы проанализировали, как различные торговые споры разрешаются за рубежом, и выяснили, что наряду с судами общей юрисдикции, которые во многих случаях рассматривают торговые споры, существуют специализированные коммерческие суды. Примером служат прежде всего торговые суды во Франции. Кстати, именно они были прообразом коммерческих судов дореволюционной России.

Ну и, наконец, еще два фактора. Прежде всего, это особенности предпринимательской деятельности, которая является предметом в первую очередь гражданско-правового регулирования, но регулируется также трудовым, природоресурсным, природоохранным, административным правом. Иными словами, осуществляется комплексное регулирование. А стало быть, предпринимательская деятельность довольно сильно отличается от жизни гражданина-потребителя, который не состоит в таком многоцветье отношений. Для предпринимателя существуют особое налоговое законодательство, особое уголовное законодательство, особое административное законодательство, лицензирование предпринимательской деятельности и т. д. Предпринимательская деятельность многообразна и сложна по сравнению с жизнью гражданина-потребителя, и в этом состоит ее специфика.

Корпорации, корпоративное устройство, сферы банковской, торговой, строительной, страховой деятельности, грузовые перевозки — все это очень сложные комплексы отношений. Именно поэтому во многих странах наблюдается, так сказать, дуализм права: наряду с гражданскими кодексами существуют торговые кодексы. Россия этим путем никогда не шла. Конечно, элементы дуализма были, однако в целом в России предпринимательство является объектом гражданско-правового регулирования, но с участием других отраслей, т. е. объектом комплексного регулирования. Это наша классика.

И последнее. В 1991 г. инициатива, надо сказать, была ключом. В период перемен, во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг., я считаю, в нашей стране было очень активное гражданское общество. Оно всюду функционировало и дофункционировало до того, что Советский Союз исчез — так сказать, пал жертвой активности гражданского общества. Это, конечно, негативное последствие. Но в целом гражданское общество тогда сотворило чудеса. За короткие сроки появлялись необыкновенные акты. Конституция 1993 г., по-моему, изумительный документ, документ высочайшего класса, который еще долго должен оставаться неприкосновенным, потому что улучшить его нельзя, можно только ухудшить. И многое из того, что тогда было сделано, не надо ухудшать, надо сохранять.

В частности, был разработан и принят интереснейший документ — Концепция судебной реформы. Сам по себе факт чрезвычайно интересный. В обществе происходили колоссальные изменения в области экономики, в социальной, государственной, политической сферах, но концепций не было. Была у нас концепция экономических преобразований? Нет. Была концепция политического переустройства? Тоже нет. Появлялись уже готовые документы, но концепций не было. А вот Концепция судебной реформы существовала, и я считаю это

очень важным достижением и заслугой юристов. Это был прекрасный документ, и, по сути, в дальнейшем все, что делалось в судебной системе, происходило в соответствии с Концепцией. Она появилась в результате совместной работы с одной стороны ученых и с другой практиков, которые заземляли стремления большой науки.

В Концепции судебной реформы нашли свое закрепление арбитражные суды. При этом авторы документа исходили из общей тенденции, в соответствии с которой в большинстве стран существует несколько судебных систем. Нет такого, чтобы были только суды общей юрисдикции и ничего больше. Наряду с судами общей юрисдикции (это закономерность) действуют специализированное правосудие, специализированные суды.

В Европе мы едва ли найдем хотя бы одно государство, где не было бы специализированных судов. Во Франции действуют суды общей юрисдикции, но также есть отдельная система административных судов и отдельная подсистема торговых судов, а конституционное правосудие представлено Конституционным советом. В Германии правосудие наиболее дифференцированное, там насчитывают шесть судебных подсистем: конституционное правосудие — Конституционный суд Германии и конституционные суды земель; суды общей юрисдикции во главе с Верховным судом; система финансовых судов во главе с Федеральным финансовым судом; административные суды во главе с Федеральным административным судом; социальные суды во главе с Федеральным социальным судом; трудовые суды во главе с Федеральным трудовым судом.

И хотя судебная система каждого государства имеет свою собственную историю и не существует модели, на которую ориентировались бы все страны мира, опыт показывает, что такое построение судебной системы соответствует общей тенденции разделения судов общей юрисдикции и специализированных судов. И это, видимо, не случайно. Дело в том, что есть особо сложные или особо значимые сферы отношений, которые требуют специализации по линии судов и правосудия.

Таковы объективные предпосылки появления системы арбитражных судов. Теперь я перейду к субъективным моментам, тоже имевшим место.

Идеи передать дела в суды общей юрисдикции или, напротив, создать какую-то особую систему, представления, как она должна быть устроена, витали в воздухе. Между тем время требовало конкретных решений. Я занимался этими вопросами, но лишь вскользь, поскольку тогда находился на посту министра юстиции СССР и диапазон моей деятельности был гораздо шире. Я занимался многими вопросами — в частности, вопросами суверенитета. В 1990 г. начался парад суверенитетов: сначала Эстония, а затем и другие республики стали объявлять о своем суверенитете в рамках Советского Союза, декларируя при этом приоритет своего законодательства перед законодательством Союза ССР. Это было отрицание существования Советского Союза и противоречило Конституции СССР. Многие не хотели этого, но пример заразителен — и процесс приобрел всеохватывающий характер.

Работа в Министерстве юстиции тогда перестала быть плодотворной. Как работать над союзным законодательством (а это было одно из основных направлений),

если республики его отвергают и считают, что они сами с усами? И вообще неясно было, устоит Советский Союз или нет. А в это время Западная Европа энергично шла к конфедерации, прежде всего в экономической сфере: устраняла границы, пограничные препятствия, формировала единый рынок, создавала общие программы, гармонизировала экономическое законодательство, выстраивала надгосударственные органы. Одним словом, создавала мощные предпосылки для формирования единого экономического пространства. Народы западноевропейских стран получали от этого процесса колоссальный выигрыш. Таким образом, если у нас преобладали центробежные силы, то у них — центростремительные, мы шли к разьединению, а они — напротив, к объединению.

Я все это видел и, конечно, не мог не реагировать. Помню, организовал конференцию в Минске, посвященную судьбе Советского Союза и тому, как решать эти вопросы с точки зрения права. В конференции участвовали, по сути, все крупные специалисты в области государственного, конституционного права, и абсолютное большинство высказалось за реформирование Советского Союза путем внесения изменений в Конституцию. И только представитель одной из прибалтийских стран настаивал на другом варианте, предлагая реформировать Советский Союз путем заключения нового Союзного договора. Никто его не поддержал, мы выработали соответствующие рекомендации, которые я направил Председателю Верховного Совета СССР М.С. Горбачёву (тогда еще не было поста Президента). Кроме того, во время личной встречи рассказал ему о конференции, ее итогах, о том, что, по мнению специалистов, надо реформировать Советский Союз путем внесения изменений в Конституцию и необходимо побыстрее подготовить эти предложения.

В беседе, как мне показалось, он соглашался с этим. Он спросил, почему нельзя заключить новый Союзный договор. Я ответил, что специалисты считают это невозможным, что заключать новый Союзный договор можно тогда, когда страны стремятся к объединению, а когда они стремятся к разьединению — заключить договор нереально и встать на этот путь — значит предопределить распад Советского Союза. Он как будто склонен был согласиться с этими доводами, но тем не менее через некоторое время вдруг была провозглашена и начала реализовываться идея заключения нового Союзного договора. И как только она стала претворяться в жизнь, те же самые ученые и руководители прибалтийских стран сказали, что заключать новый Союзный договор они не будут, потому что никогда его не заключали, что они вообще жертвы оккупации и в эти игры играть не намерены. Вот так все произошло.

Было совершенно ясно, что мы идем, по существу, к тому, что единое политическое, государственное образование исчезает на глазах. А вот экономика нашей страны была кооперированной: не было экономики Украины, экономики Белоруссии, даже экономики России не было, а была единая советская экономика. Ее пронизывали экономические связи с глубокой специализацией. Скажем, Белоруссия в значительной мере была сборочным цехом страны: там не было сырьевых ресурсов, перерабатывающей промышленности, но зато производились прекрасные, самые популярные тракторы, тяжелые машины, БелАЗы. При этом все остальное: металл, заготовки, моторы, колеса — производилось в других местах. Все это поставлялось в Белоруссию и там монтировалось.

И поэтому страшно было себе представить, что мы вдруг разделим единое экономическое пространство границами, экономические связи сразу прервутся и, значит, белорусы уже не смогут производить то, что они производят. Потребуется снова все налаживать, и будет неясно, продадут ли им, скажем, источники энергии, которых у них нет, продадут ли металл, продадут ли заготовки. Те, кто хоть немного понимал в экономике, в правовом регулировании, невольно думали о том, как это единое экономическое пространство сохранить.

И еще один, сугубо субъективный, момент: в это время на союзном уровне в правовой сфере образовались две вакансии — под напором всех этих столкновений подал в отставку Генеральный прокурор и внезапно умер молодой, прекрасный специалист, цивилист, Главный государственный арбитр Союза ССР Юрий Геннадьевич Матвеев. Его отец, Геннадий Константинович Матвеев, был одним из наших крупнейших цивилистов, а Юрий Геннадьевич, специалист в области международного частного права, с опытом зарубежной работы, очень толковый, умный человек, сначала был Главным государственным арбитром Украины, затем получил назначение на должность Главного государственного арбитра Союза ССР, но вскоре скончался. Генеральный прокурор и Главный государственный арбитр согласно обновленной Конституции СССР назначались в особом порядке: вносил предложение о назначении Президент СССР, рассматривал вопрос о назначении Верховный Совет СССР, а утверждал в этих должностях съезд народных депутатов СССР. Горбачёву в связи с тем, что надвигался съезд народных депутатов, надо было заполнить эти две вакансии, и он искал кандидатов. Я был министром юстиции СССР, и он со мной советовался, кого назначить. Я сказал: «Если вы мне поручаете подготовить кандидатов, с удовольствием это сделаю. Я знаю юристов и думаю, что есть подходящие люди. Посоветую вам по несколько человек на каждую должность». Он согласился: «Да, давайте-давайте». А потом вдруг спросил: «А сам не хочешь на должность Генерального прокурора?» Я, естественно, сразу же отказался: «Нет». — «Почему?» — «Потому что это не моя работа. Я работаю в Министерстве юстиции, это мне ближе по моему личному складу». Он сказал: «Да, я это понимаю. Ну, хорошо. Дайте тогда мне предложения».

На должность Генерального прокурора я предложил несколько кандидатов (один из них потом и был назначен), а вот о должности Главного государственного арбитра стал думать, не занять ли ее самому. Парад суверенитетов, состояние нашей экономики и перспектива ее развала, что, на мой взгляд, обернулось бы бедствием для наших народов, подталкивали к размышлениям о том, как создать правовые формы, которые позволили бы нашей интегрированной экономике продолжать функционировать, сохранять экономические связи, даже если появятся границы между суверенными государствами. Тогда-то у меня и возникла мысль о создании судебной системы экономического правосудия во главе с высшим судом Союза ССР, который связывал бы нити единого правового пространства, таким образом обеспечивая возможность существования единого экономического пространства.

Мы съездили в Люксембург, где всю работу Суд справедливости — суд тогда еще Европейских сообществ (сейчас — Европейский союз), который сыграл колоссальную роль в экономической интеграции Европы, потому что именно с его помощью создавались правовые предпосылки этой интеграции. Я рассказал Горбачёву об идее создания на базе Госарбитража системы экономических судов,

и он с ней согласился. В декабре 1990 г. я был назначен на должность Главного государственного арбитра Союза ССР и 15 января 1991 г. приступил к работе. Я собрал коллектив и сказал, что мы будем работать как Госарбитраж СССР, но главная наша задача — подготовка новых законов: Закона о внесении изменений в Конституцию Союза ССР, где вместо Госарбитража должен появиться высший судебный орган по экономическим спорам, Закона о Высшем хозяйственном суде Союза ССР (тогда мы всю систему судов хотели назвать хозяйственными) и Закона о порядке рассмотрения споров Высшим хозяйственным судом Союза ССР. В дальнейшем планировалось подготовить законы союзных республик о хозяйственных судах. Мы начали реализовывать эту модель.

Выбор названия для новой судебной системы

В советское время существовали две правовые школы, противостоящие друг другу, — школа цивилистов и школа хозяйственного права. По сути, дискуссии шли не о том, каким было в Советском Союзе правовое регулирование хозяйственных отношений, а о том, каким оно должно быть. Цивилисты полагали, что горизонтальные отношения должны регулироваться гражданским правом, а вертикальные отношения, например по лицензированию, — административным. С точки зрения сторонников теории хозяйственного права, все это неразрывно связано, и поэтому формируется единая отрасль хозяйственного права, где должно быть регулирование и горизонтальных, и вертикальных отношений. Теория хозяйственного права как бы увековечивала сохранение административно-командной системы, а цивилистическая теория была направлена на изменения.

Эта борьба в конце концов пришла к логическому завершению. Произошло то, что предвещала цивилистическая теория: гражданское право возобладало как главный регулятор экономических отношений, может быть, даже с некоторыми излишествами, потому что отдельные элементы публично-правового регулирования были чрезмерно ослаблены.

Поскольку каждый юрист, имевший отношение к этой дискуссии, занимал позицию либо одних, либо других, среди депутатов Верховного Совета ССР оказалось несколько противников теории хозяйственного права, хотя были и сторонники. Они были достаточно активными, особенно такие, как А.А. Собчак. Он мне сказал: «Вениамин Федорович, я вас поддерживаю, вы создаете суды — великое дело. Но зачем вы называете их хозяйственными? Ведь хозяйственники тут же начнут использовать это в своих интересах». Он знал, что я цивилист по своим взглядам, поэтому, так сказать, по-дружески советовал. Я подумал: зачем мне такие оппоненты среди авторитетных депутатов Верховного Совета? Я выйду с докладом, и Собчак вместо того, чтобы поддержать, скажет: «У меня есть возражения». Зачем мне эти возражения? Они не нужны. Мне приходилось быть прагматиком. И поэтому я задался вопросом: хорошо, если не хозяйственные, то какие? И мы обсуждали — экономические, торговые, коммерческие, и в конце концов появилась идея: арбитражные. Почему арбитражные? Прежде всего, так обозначалась преемственность. Но это было не главное. Я исходил из того, что арбитр — это не просто третейский судья, а человек, который помогает сторонам урегулировать спор,

и Госарбитраж метод арбитражирования — а не метод властного разрешения спора — активно использовал. Этот метод переговорно-примирительный. Поскольку я считал, что коммерческие суды должны его использовать — они и до революции активно использовали переговорно-примирительные процедуры в своей практике, — исходил из того, что термин «арбитражные суды» укажет на то, что мы не тот суд, который формально разрешает споры, а тот суд, который помогает сторонам регулировать конфликты, достигать компромисса, согласия, чтобы они уходили из суда не противниками, а партнерами, способными и дальше поддерживать нормальные деловые отношения.

Кроме того, у нас по первому Кодексу был предварительный претензионный порядок. А что такое претензионный порядок? Это тоже переговорно-примирительная процедура. Таким образом, мы с самого начала были системой, развернутой в сторону переговорно-примирительных процедур. Я считаю, что и сейчас нам следует как можно больше разворачиваться в этом направлении, тогда мы будем эффективно работать, не просто разрешая споры, а помогая сторонам преодолеть конфликт, выйти из спорной ситуации бесконфликтно.

Поэтому мне показалось, что название «арбитражный» удачное.

Потом, как я и предполагал, это вызвало недоразумения в отношениях с зарубежными юристами. Когда я начал писать письма председателям верховных судов, чтобы установить профессиональные, деловые контакты между Высшим Арбитражным Судом и верховными судами Германии, Франции, Нидерландов и др., от некоторых из них я получал ответы, суть которых сводилась к тому, что взаимодействие едва ли возможно, потому что они государственные суды, а мы коммерческий арбитраж. Тогда я писал новые письма: «Нет, мы тоже государственный суд». Постепенно этот термин перестал наводить тень на плетень, и теперь наши коллеги за рубежом знают, что мы государственный суд, хотя и называемся арбитражным судом.

Становление арбитражной системы

Довольно быстро все три закона — о внесении изменений в Конституцию, о Высшем Арбитражном Суде и о порядке разрешения споров судом Союза ССР — были приняты, суд был сформирован и уже в 1991 г. начал работать. Это стало первым звеном судебной системы.

Естественно, судьями Высшего Арбитражного Суда стали государственные арбитры бывшего Государственного арбитража. Это произошло не автоматически, Верховный Совет СССР их переназначал.

Свою деятельность продолжал Госарбитраж Союза ССР, Высшего Арбитражного Суда СССР еще не существовало, но я был назначен на должность его Председателя. Причем если судьи общих судов назначались только на определенный срок, то меня назначили пожизненно: Закон о Высшем Арбитражном Суде СССР

впервые в нашей новейшей истории ввел пожизненное назначение судей. Затем я представил Верховному Совету кандидатов на должности судей Высшего Арбитражного Суда СССР, все они тоже были назначены пожизненно.

Интересно, что одно время я занимал две должности, потому что, когда Верховный Совет назначал меня Главным государственным арбитром Союза ССР, до создания Суда было еще довольно далеко. А к тому времени, когда съезд собрался и должен был утвердить меня в этой должности, уже сформировались ближайшие предпосылки того, что Высший Арбитражный Суд появится. И поэтому съезд утвердил меня в должности Председателя Высшего Арбитражного Суда Союза ССР, но с сохранением должности Главного государственного арбитра — Государственный арбитраж продолжал функционировать. И так продолжалось до тех пор, пока не были назначены судьи Высшего Арбитражного Суда Союза ССР, после чего Госарбитраж был ликвидирован, а уже на следующий день споры стал рассматривать Высший Арбитражный Суд. Таким образом, мы ни на один день не прервали рассмотрение споров.

Почему надо было Высший Арбитражный Суд Союза ССР создать в первую очередь? Это объяснялось тем, что, по существу, официально распада Советского Союза еще не произошло, но уже нарастали тенденции, которые к нему привели. Надо было подумать над тем, чтобы, скажем, если будут судиться предприятия Белоруссии или Казахстана и предприятия России, была гарантия, что эти дела в случае их рассмотрения в национальных системах будут решены строго по закону. Допустим, казахстанское предприятие обращается в суд по месту нахождения ответчика, т. е. в России, и наоборот. Мы хотели, чтобы был судебный орган, который обеспечивал бы беспристрастное рассмотрение дел независимо от того, к какой политической, государственной структуре относятся спорящие стороны. Поскольку все-таки дело шло к развалу, парад суверенитетов набирал силу, надо было побыстрее создать такую структуру, которая стала бы центром единого правового пространства и обеспечила бы нормальное функционирование экономики. Это была потребность того времени.

В состав Пленума Высшего Арбитражного Суда Союза ССР, кроме судей этого Суда, мы ввели главных государственных арбитров союзных республик. Между прочим, все до единого главные арбитры союзных республик приезжали на заседания Пленума Высшего Арбитражного Суда СССР. Прибалты всегда приезжали — и из Эстонии, и из Латвии, и из Литвы. Поэтому мы, по существу, работали вместе. Это было средством поддержания единого правового пространства. Мы координировали работу над законами союзных республик об арбитражных судах. Работа шла более или менее параллельно: Украина вырвалась вперед, там раньше был принят закон об арбитражных судах; в России несколько позже, но тоже довольно быстро; некоторые страны поотстали. Но в целом все республики двигались в этом направлении.

Процесс планомерного создания всей этой системы был прерван ликвидацией Советского Союза в декабре 1991 г. в результате Беловежского соглашения. Этим соглашением трех президентов деятельность Советского Союза была официально прекращена. Президент Советского Союза в соглашении не участвовал, но тем не менее ушел в отставку. И вслед за этим все до единого союзные органы, в том

числе Высший Арбитражный Суд Союза ССР, министерства, правительство, Верховный Совет, съезд народных депутатов, прекратили свое существование.

Все сотрудники союзных органов оказались без работы, я думаю, что большинство из них так к государственной деятельности и не вернулись. Скажем, заместитель министра юстиции Союза ССР Георгий Давыдович Голубов, прекрасный юрист, специалист в области правового регулирования экономических и хозяйственных отношений, создал юридическую фирму на базе управления хозяйственного законодательства Министерства юстиции Союза ССР. На то время это была самая профессиональная и успешная юридическая фирма, но государственная служба потеряла прекрасных, опытнейших юристов, которые, помимо прочего, умели писать проекты законов. Больше этими навыками у нас не обладал никто, потому что проекты законов разрабатывались Министерством юстиции Союза ССР и там были великолепные специалисты, владевшие этим очень трудным ремеслом.

В 1992 г., в независимой к тому времени России, я получил неожиданное предложение от председателей Комитета по законности и Комитета по законодательству Верховного Совета Российской Федерации. Они предложили мне баллотироваться на должность Председателя еще не существовавшего Высшего Арбитражного Суда России (тогда был только Госарбитраж России). В других условиях я бы, конечно, согласился, но тут ответил отказом, исходя из того, что, скорее всего, Президент РФ и Председатель Верховного Совета РФ не пожелают видеть меня в кресле Председателя Высшего Арбитражного Суда России, поскольку тогда шла борьба по поводу существования или несуществования Советского Союза.

Однако спустя некоторое время председатели этих комитетов сообщили мне, что они переговорили с обоими руководителями и те считают меня подходящей кандидатурой. Я, хотя ни Президент, ни Председатель со мной лично этот вопрос не обсуждали, написал в Верховный Совет России заявление об участии в конкурсе на должность Председателя Высшего Арбитражного Суда России. Получилось так, что больше в конкурсе никто не участвовал, и поэтому я оказался назначенным на эту должность, если память мне не изменяет, 25 января 1992 г.

Как только я вступил в новую должность (тогда это был еще Госарбитраж России), все повторилось снова. Что мы сделали? Прежде всего занялись подготовкой Арбитражного процессуального кодекса и в короткие сроки закончили работу — 5 марта 1992 г. он был принят, а с 15 апреля введен в действие. За это время мы провели назначения судей Высшего Арбитражного Суда. 14 апреля мы еще работали как Госарбитраж России, а 15 апреля начали рассматривать дела как Высший Арбитражный Суд России. Параллельно велась работа по формированию арбитражных судов областей, краев, республик, и к осени 1992 г. все суды были уже созданы, судьи назначены и система начала действовать. Конечно, разные суды в разное время: все зависело от того, в какие сроки назначались председатели судов и потом составы судей. Но в основном все происходило очень быстро. Сегодня те темпы попросту невозможны, все утонет в бесконечных согласованиях и бюрократических процедурах, а тогда бюрократических процедур не было, потому что союзный бюрократ уже ушел, а российский бюрократ еще не сформировался, и можно было работать быстро и эффективно.

Когда осенью 1992 г. система заработала, я решил, что надо проинформировать Президента РФ Б.Н. Ельцина, с которым я так ни разу и не встречался, о проделанной работе. Мы с ним встретились, я его поблагодарил за доверие, сообщил о том, что система создана, рассказал о ее задачах, функциях, кадрах, о том, как она работает, какие есть проблемы, трудности. И увидел, что Президент поражен, но поражен приятно. В то время все разваливалось: заводы останавливались, потому что появились границы, по этой же причине было архисложно со снабжением населения элементарными товарами потребления и т. д. Я представляю, сколько проблем тогда навалилось на Президента. Действительно, все находилось в состоянии распада, а тут вдруг создана новая судебная система и уже работает. Он в самом деле был приятно удивлен, а потом оказывал, я это видел, энергичную, эффективную поддержку в дальнейшем совершенствовании нашей системы.

Должен сказать, что у нас получилось создать новую судебную систему, потому что, во-первых, нам не мешали, во-вторых, была разработана хорошая Концепция, а в-третьих, были люди, с которыми можно было работать. А лично у меня все получилось, потому что я много лет изучал гражданское и хозяйственное право и, следовательно, знал теорию. Кроме того, я был довольно близок и к практической деятельности Госарбитража. Моя кандидатская диссертация была написана на экономико-правовую тему «Правовое регулирование отношений по договору контрактации сельскохозяйственных продуктов». В этом секторе споры в значительной степени разрешались органами Госарбитража, потому что совхозы были государственными предприятиями. Тогда кандидатская диссертация была серьезной научной работой, я собирал материалы и в госарбитраже Свердловской области, и в Госарбитраже России, и в Госарбитраже Союза, познакомился с этой системой. В разные годы в ней работали многие выдающиеся юристы — крупные специалисты в области хозяйственного права, такие как профессор, доктор наук Всеволод Николаевич Можейко. В Госарбитраже России работали и ученые, и практики, в частности Борис Иванович Пугинский, Василий Владимирович Витрянский, очень крупный специалист Святослав Дмитриевич Ордынский. В союзном Госарбитраже и потом в Высшем Арбитражном Суде были классные специалисты тоже в области хозяйственного законодательства и процесса — Марк Самуилович Фалькович, Валентина Ивановна Михеева, Наталья Григорьевна Лифшиц.

И самое главное — нам удалось сформировать кадровый состав Высшего Арбитражного Суда России за счет четырех коллективов. Во-первых, сам Госарбитраж России располагал хорошими кадрами. Во-вторых, в Высший Арбитражный Суд России пришли потерявшие работу судьи Высшего Арбитражного Суда Союза ССР, такие как Александр Алиевич Арифалин, Владимир Николаевич Исаичев, Надежда Георгиевна Вышняк и многие другие. Таким образом, по существу, два органа — Госарбитраж Союза ССР и Госарбитраж России — объединились в рамках Высшего Арбитражного Суда России. В-третьих, пришли очень хорошие работники, классные юристы из Министерства юстиции, в котором я раньше работал, — Олег Витальевич Бойков, Сергей Афиногенович Савкин и др. И, наконец, в-четвертых, пришли люди из Института законодательства, где я тоже работал, — например, Михаил Кузьмич Юков. Ну а потом мы привлекли и дополнительных специалистов, в частности административиста Эдуарда Николаевича Ренова.

Довольно быстро сформировался коллектив Высшего Арбитражного Суда России, который, я считаю, по своему потенциалу был одним из самых сильных в области

права. Мы сохранили старые кадры, а кроме того, к нам пришло очень много хороших специалистов из других структур. Вообще, к нам приходили довольно многие из судов общей юрисдикции, но от нас в суды общей юрисдикции не ушел никто, я не знаю ни одного примера. На местах тоже подобрались хорошие кадры.

Все это позволило за короткий срок создать действительно неплохую в человеческом плане и профессиональном отношении структуру.

Замечу, что создание арбитражных судов — для меня самого, может быть, неожиданно — способствовало формированию многих элементов российской правовой системы, которую я называю правовой инфраструктурой. Ни один суд, ни одна система арбитражных судов не могли бы функционировать сколько-нибудь успешно без соответствующей инфраструктуры. Эта инфраструктура могла быть не создана вовсе или создана бог знает через сколько лет, если бы не появление арбитражных судов.

Прежде всего требовалось новое законодательство. Мы не могли рассматривать споры с участием частного элемента, частной собственности, потому что не было настоящего законодательства. И тогда мы сделали две вещи. Во-первых, инициировали на территории России введение в действие закона несуществующего государства, который не успел вступить в действие, — я имею в виду Основы гражданского законодательства Союза ССР. Они должны были вступить в действие с 1 января 1992 г., но Советского Союза уже не существовало, поэтому специальным актом Верховного Совета России они были введены в действие на территории России. Основы содержали элементы правового регулирования рыночной экономики.

Во-вторых, мы инициировали подготовку Гражданского кодекса. Гражданский кодекс разрабатывался на двух площадках. С одной стороны, в Исследовательском центре частного права при Президенте России, который начал создаваться еще при Президенте СССР. Сюда мы стянули силы ученых-цивилистов. С другой стороны, на базе, конечно, Высшего Арбитражного Суда России, который транслировал практические запросы. Таким образом, объединив научную и практическую проработку, мы подготовили все четыре части Гражданского кодекса, и в России появилось гражданское законодательство.

Но исполнять наши судебные решения было некому. Мы изучили дореволюционный опыт и инициировали подготовку Закона об исполнительном производстве и Закона о создании службы судебных приставов. Я несколько лет пробивал эти предложения в правительстве, с большим трудом законы были приняты и появилась служба судебных приставов.

Далее через Гражданский кодекс мы реализовали идею создания регистрационных служб и в целом системы государственной регистрации, абсолютно необходимой в условиях рыночной экономики. Регистрация прав на недвижимость и регистрация юридических лиц были отданы системе Министерства юстиции. Нам тогда предлагали передать эти функции арбитражным судам, это было бы логично, например во Франции реестры ведут именно торговые суды. Но мы не решились на этот шаг, потому что судам вначале надо было встать на ноги, и мы

записали в проекте Гражданского кодекса, что регистрацией юридических лиц занимаются органы юстиции, и в Министерстве юстиции создали регистрационную службу. Я до сих пор считаю, что там ей и место. Однако выяснилось, что это лакомый кусок для кого-то, началась борьба, и в результате налоговая служба отвоевала себе регистрацию юридических лиц, а Минэкономики — регистрацию недвижимости. На самом деле регистрация — это чисто правовая работа, в каком бы ведомстве она ни осуществлялась. Регистрация и юридических лиц, и недвижимости требуется не для налоговых нужд, а исключительно для обслуживания гражданского оборота.

К сожалению, нам не удалось создать некоторые элементы инфраструктуры из тех, что существовали при коммерческих судах в дореволюционной России. Например, тогда был институт присяжных попечителей. Если перевести на современный язык, это арбитражные управляющие. Присяжные попечители брали имущество сразу под охрану, с тем чтобы оно не разбазаривалось, и потом осуществляли управление этим имуществом на период проведения процедуры банкротства. Это были очень хорошо подготовленные специалисты, работа которых контролировалась судами, и поэтому не было тех безобразий, что связаны у нас с институтом арбитражных управляющих. В целом институт присяжных попечителей в дореволюционной России был более эффективным, чем современный институт арбитражных управляющих.

И еще один институт, оставшийся в прошлом, — это присяжные стряпчие, т. е. адвокатура при коммерческих судах. Мы пытались установить правило, что дела в арбитражных судах могут вести только адвокаты, но у нас не получилось. Хотя я думаю, что нужда в этом есть и сейчас, потому что, когда представителем может быть абы кто, это резко снижает уровень правосудия. Нам нужны настоящие специалисты, которые находились бы под контролем соответствующих профессиональных сообществ с точки зрения нравственности, профессиональной этики, контроля за качеством работы. Без этого, по моему мнению, представительская работа в системе арбитражных судов не может быть поставлена как следует.

Надо отметить, что арбитражные суды, с одной стороны, были самым молодым элементом нашей судебной системы, а с другой стороны, они неожиданно оказались ее локомотивом. Они тащили за собой всю судебную систему в ее развитии, может быть, именно потому, что это была новая судебная система, не связанная прежними канонами, традициями, привычками, законодательством. Приведу несколько примеров.

Скажем, откуда взялась в нашей судебной системе должность помощника судьи? Когда мы начали работать, у нас был какой-то персонал, но не было должностей секретаря судебных заседаний и помощника судьи, они появились позже. Идея создать должность помощника судьи была моей, и возникла она по двум причинам. Первая причина заключалась в том, что у нас соотношение судей и специалистов было не таким благоприятным, как в системе судов общей юрисдикции. Специалистов было мало, это затрудняло работу судей. Получать вакансии судей нам было легче, чем вакансии специалистов, — в этом вопросе Минфин зажимал нас беспощадно. Поэтому мы решили для того, чтобы увеличить состав специалистов, ввести должность помощника судьи.

Вторая, более важная, причина состояла в том, что в новой России не существовало системы подготовки кадров судей. И когда количество дел начало расти, арбитражные суды стали численно увеличиваться, нам потребовались новые вакансии судей. Заполнение этих вакансий представляло для нас немалые сложности. Во-первых, не хотелось брать кого попало, с улицы, потому что непроверенных людей нельзя допускать к судебной работе, особенно в арбитражных судах, где рассматриваются споры об огромных суммах. Если человек склонен к неблагоприятным делам, то для него это гибельная работа. Во-вторых, были проблемы с профессиональной подготовкой. Мы брали юристов с предприятий, потому что они знали хозяйственное право, брали судей из системы судов общей юрисдикции, но системы подготовки судей не было. Я специально изучил, как готовят кадры в других странах — во Франции, в Нидерландах, и понял, что нам надо вводить должность помощника судьи еще и потому, что это наилучший способ овладения навыками судебной работы. Как показал дальнейший опыт, это было правильное решение. Я поставил вопрос перед Президентом, и, когда он дал поручение Правительству и Администрации решить эту проблему, там спросили: «А что, в судах общей юрисдикции есть помощники?» Я ответил: «Нет помощников». — «Тогда, наверное, и им тоже надо дать помощников». Вот так в судах общей юрисдикции появились помощники, правда, как мне показалось, эту должность там несколько занизили. Мы-то хотели, чтобы это были настоящие помощники, предполагали, что это будут специалисты самого высокого класса, и даже вынашивали идею, чтобы их зарплата определялась в особом порядке и находилась в определенном процентном соотношении с зарплатой судей. К сожалению, мне не удалось пробить все идеи, но, так или иначе, во всей судебной системе появилась должность помощника судьи.

На заседаниях правительства, где я присутствовал, чтобы знать, какие процессы идут в экономике, я выяснил, как у нас осуществляется финансирование. Существует два вида финансирования — финансирование текущей деятельности и финансирование развития. Первое осуществляется исходя из показателей предыдущего года с учетом инфляции в текущем году. Второе, как я увидел, осуществлялось в основном по так называемым целевым программам. И тогда появилась идея целевой программы развития судебной системы. Я предложил эту идею Верховному Суду, чтобы вместе разработать единую целевую программу, но почему-то коллеги этим не заинтересовались. Тогда я внес предложение Президенту о подготовке целевой программы развития системы арбитражных судов. И вновь, когда поручение Президента попало в правительство, там спросили: «А суды общей юрисдикции в развитии не нуждаются?» В результате появилась общая целевая программа развития. Развитие предполагает материально-техническое обеспечение, подготовку кадров, и на все это нужно финансирование. Начиная с 2002 г. судебная система стала развиваться за счет целевых программ.

Итак, в новой России арбитражная система прошла несколько этапов развития. На первом этапе — в 1992–1994 гг. — у нас была двухзвенная судебная система: область и Высший Арбитражный Суд. Такая система неполноценна. Как показывает мировой опыт, полноценной является трехзвенная система. Поэтому мы создали окружные суды в 1995 г., после того как были приняты новый Конституционный закон об арбитражных судах и новый Кодекс. Введя еще один уровень, мы не толь-

ко превратили систему в полноценную, но и создали на этом уровне суды, не связанные с административно-территориальным делением. При этом, разумеется, использовался дореволюционный опыт. Судебная система дореволюционной России после 1865 г. была оторвана от административно-территориального деления: судами первого уровня были окружные суды, далее следовали апелляционные суды — судебные палаты, которые обслуживали несколько губерний, и, наконец, третье звено — кассационная инстанция, Сенат.

Мы тоже оторвали кассационные суды от административно-территориального деления, что имело большое значение для обеспечения независимости судебной системы, снижения влияния других ветвей власти. Потом этот же принцип использовался и при создании апелляционных судов. По Кодексу 1995 г. у нас было четыре инстанции: первая инстанция, апелляционная, кассационная и надзорная. Первая и апелляционная инстанции находились в одном суде, областном. С точки зрения процесса мы впервые в нашей судебной системе ввели полноценную апелляцию как полный пересмотр дела по жалобе сторон и полноценную кассацию, которая отличается от апелляции тем, что занимается не вопросами факта, а вопросами права. Таким образом, мы построили нашу судебную систему по классическим европейским и мировым стандартам: первая инстанция, апелляционная и кассационная. Но при этом сохранили и надзор. Было много дискуссий, сохранять ли четыре инстанции и почему нельзя, чтобы были только три инстанции. Помню, мы обсуждали эту проблему не только в пределах страны, но и с зарубежными специалистами, которые в свою очередь интересовались нашей системой. Например, судьи Верховного суда Германии, с которыми у нас были особенно тесные контакты, спрашивали меня: «Все-таки сколько инстанций надо иметь в судах — три или четыре?» Я отвечал: «В Германии три инстанции, в России четыре». — «Почему?» — «Разные условия. В Германии трех достаточно, потому что для сторон доступны две инстанции — первая и апелляционная, а кассационная, находящаяся в Верховном суде, малодоступна. Но этого достаточно, потому что в Германии устоявшаяся правовая система». В Германии законы не меняются каждый день и судебная практика довольно устойчивая. А стабильность и устойчивость — это, на мой взгляд, главные характеристики и законодательства, и правосудия. Необходимо, чтобы в России для сторон были доступны три инстанции: первая, апелляционная и кассационная. Это повышает гарантии защиты прав сторон. Но если кассация находится в высшем суде, она становится недоступной: один суд на всю огромную страну не может рассмотреть дела по заявлениям всех желающих. Десять кассационных судов в целом ежегодно рассматривают 100–120 тысяч дел, столько дел Высший Арбитражный Суд никогда за год рассмотреть не может.

Таким образом, для того чтобы расширить процессуальные гарантии сторон и сделать доступными три инстанции, мы создали десять кассационных судов. А для того чтобы в судебной системе был интеллектуальный центр, обеспечивающий единообразие судебной практики, — сохранили надзор. При этом освободили Высший Арбитражный Суд от функций кассационной инстанции. Верховный Суд не может обеспечивать единство судебной практики, потому что он перегружен функциями. А мы Высший Арбитражный Суд разгрузили, у него практически нет первой, второй и третьей инстанций; по сути, у него одна функция — обеспечивать единство судебной практики. Работа в Высшем Арбитражном Суде не должна носить характер конвейера, потому что задача этого Суда — обеспечивать единство

судебной практики, вырабатывать модели решений, модели правильного, единообразного толкования и применения закона.

Вот поэтому мы и постарались нашу надзорную инстанцию в 1995 г. освободить от текучки и слишком большого числа дел и, кроме того, уже тогда хотели изъять надзор от административных элементов, от принесения протестов Председателем, заместителями, Генеральным прокурором. Это был административный элемент в судебной системе, пережиток советской системы. Мы хотели избавиться от него в 1995 г., но тогда нам помешали. Наше юридическое сообщество еще не созрело, и я встретил мощное сопротивление оппонентов даже в Высшем Арбитражном Суде, не говоря уже о Верховном Суде, и в науке. А к 2002 г. мы все-таки смогли перевести надзор на чисто судебную процедуру, не предполагающую протестов. Рассмотрение в порядке надзора осуществляется только по жалобам сторон, но с предварительной процедурой, определяющей приемлемость дела для рассмотрения высшей судебной инстанцией. Именно так работают все верховные суды мира, иначе они были бы не в состоянии формировать единообразие судебной практики.

Таким образом, за короткое время наша система была превращена в современную, эффективную. Мы старались сделать так, чтобы работа по отправлению правосудия и его совершенствованию имела хорошую научную базу. Если правосудие не имеет научного обоснования, оно не может быть эффективным. В связи с этим многие судьи арбитражных судов пришли из науки или следят за научными тенденциями.

У нас было два публичных рабочих дня: один день, когда проводилось заседание Президиума, и один день, по четвергам, когда проходили научные обсуждения проблем правосудия. Когда научная мысль работает, когда судьи подпитываются наукой, это способствует постоянному совершенствованию правосудия, в противном случае может начаться застой.

Кроме того, работа Высшего Арбитражного Суда всегда была очень тесно связана с работой Исследовательского центра частного права, т. е. тоже с научной мыслью, но уже в сфере нормотворчества. И Высший Арбитражный Суд, с одной стороны, имел возможность передавать свои практические предложения для их научной проработки и для воплощения в новом законодательстве, а с другой стороны, получал научные данные Центра. Такое сотрудничество было чрезвычайно важным и плодотворным. Я жалею только о том, что не существовало и до сих пор не существует подобного исследовательского центра в области публичного права. Если бы он был создан, то, думаю, рассмотрение арбитражными судами административных дел носило бы более совершенный характер. Хотя и здесь мы сделали немало, введя досудебные процедуры по административным делам. По моему мнению, правосудие без досудебных процедур невысказано, оно не может быть эффективным. В противном случае суд завалит мелкими делами, лишив его возможности заниматься серьезными, спорными проблемами. По существу, превратят суд в придаток административных органов — налоговых, таможенных и т. д. Этого допускать нельзя. Поэтому досудебные процедуры, так называемая внутренняя апелляция, обязательно должны быть в административных, исполнительных органах. Суд должен рассматривать только правовые споры, а не заниматься подсчетом правильности исчисления налогов, правильности определения налоговой базы, арифметикой. Это не дело суда, это не судебные функции.

Самостоятельность системы арбитражных судов

Раньше довольно часто появлялись предложения о слиянии всех судебных систем и создании единой судебной системы во главе с Верховным Судом, который был бы и конституционным, и верховным, и высшим арбитражным.

Здесь может быть два подхода. Первый подход — слить все судебные системы в одну, а второй — произвести объединение только на самом верхнем уровне. Думаю, если бы полное слияние произошло, то имело бы огромные отрицательные последствия, потому что ничего не дало бы с точки зрения улучшения, но минусы были бы колоссальными. Мы потеряли бы преимущества специализированных судебных систем — архиважную вещь с точки зрения качества правосудия. Я считаю, что, скажем, патентные споры не должны рассматриваться во всех судах, они должны рассматриваться только в одном суде. Это настолько специфические, настолько сложные и важные споры, что здесь нужен, как в Германии (прекрасный образец), единый патентный суд. Специализация судей, технические специалисты в качестве судей, специализация адвокатов — только когда дело рассматривается в таком составе, качество правосудия может быть достаточно высоким. В противном случае оно не будет высоким никогда.

Иногда необходимость объединения высших судов объясняют тем, что, если будет один Верховный Суд, это обеспечит единообразие судебной практики. Глубочайшее заблуждение. Там, где есть один верховный суд — таких стран я вообще не знаю в мире, но представим, что они есть, — там все равно существует разнობой в практике. А значит, разнობой объясняется не количеством высших судов. Правосудие — это очень сложная деятельность. Расхождения и в толковании, и в применении закона неизбежны, они всегда были, есть и будут. Следовательно, задача не в том, чтобы не иметь расхождений, а в том, чтобы создать механизмы выработки позиции, которую воспринимают все судьи. Нельзя считать, что если будет один Верховный Суд, то он обеспечит отсутствие расхождений. Такое возможно только в казарме: сверху скомандовали — все судьи руки по швам и начали одинаково решать. Это не имеет ничего общего с реальной судебной системой и отправлением правосудия, потому что так же, как нет одинаковых отпечатков пальцев, нет двух абсолютно одинаковых дел. Представление о том, что по сходным делам мы будем принимать одинаковые решения, дилетантское, так не должно быть. Решения всегда будут отражать особенности конкретного дела, если это действительно настоящее и качественное правосудие.

Значит, мы должны добиваться единства не в рассмотрении конкретных дел, а только в толковании закона. Для того чтобы добиться такого единства, необязательно существование единого Верховного Суда. Например, в Германии пять высших судебных систем. Если между судами возникают какие-то недоразумения, связанные с подведомственностью дел или толкованием каких-то законов, в действие вступает Большой сенат, который состоит из представителей всех пяти судебных систем и вырабатывает совместную позицию. Или, скажем, во Франции существует Трибунал конфликтов, в который входят представители трех подсистем.

У нас нет ни Большого сената, ни Трибунала конфликтов, но мы выработали, на мой взгляд, очень хороший, мягкий способ решения проблемы — принятие сов-

местных постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

Чрезвычайно важно, что Высший Арбитражный Суд РФ — суд специализированный, причем не только в соотношении с судами общей юрисдикции, но и по своей внутренней структуре. С самого начала мы четко разделили наше правосудие на правосудие по гражданским делам и правосудие по административным делам и выразили это в процессуальных особенностях рассмотрения административных дел, в квалификации наших судей, в опыте работы и т. д.

Система арбитражных судов — одна из самых быстродействующих судебных систем мира именно потому, что обслуживает бизнес, который не терпит длительных процедур разрешения споров: ему нужно быстрое разрешение споров, так как сама деятельность динамична. В связи с этим мы постоянно ищем ускоренные, упрощенные формы рассмотрения дел.

Мне кажется, мы смогли продемонстрировать преимущества специализированных судов, специализированного правосудия. Думаю, мы являемся локомотивом в плане внедрения упрощенных форм досудебной процедуры, переговорно-примирительных процедур и особенно альтернативных процедур разрешения споров и урегулирования конфликтов. На мой взгляд, это генеральные линии совершенствования правосудия. Для нас очень важна, конечно, связь с жизнью и архиважно доверие общества. Поэтому наша судебная система с самого начала исповедовала принцип гласности и открытости, предельной открытости, какую только можно допустить без нанесения ущерба правосудию. В настоящее время эта тенденция полностью сохраняется в судебной системе и дополняется использованием электроники, существенно расширяющей возможности гласности, открытости, публичности.